

Один из первопроходцев

Завтра исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося советского кинорежиссера Григория Козинцева

Помнится, Григорий Михайлович Козинцев в общении с друзьями не любил громкозвучных эпитетов: попробуем же и мы обойтись без них, говоря о Мастере, чья слава с годами не меркнет, а, напротив, как бы обретает все большую прочность.

Имеют фильмы свою судьбу. Одни, как падающие звезды, ярко вспыхнув, бесследно исчезают. Другим суждено светить долго. Такова «Трилогия о Максиме» Г. Козинцева и Л. Трауберга.

Сам Григорий Михайлович писал о Максиме так: «Он был наделен лучшими чертами питерского рабочего, умом и юмором, прирожденным чувством справедливости, верности товарищам, душевностью и решительностью, смелостью и терпением».

Казалось бы, все так просто, но как сложны истоки покоряющей силы настоящего, большого искусства! Скольким поколениям трилогия помогла приобщиться к героике пролетарской революции!..

Недавно «Юность Максима», «Возвращение Максима» и «Выборгская сторона» были показаны по телевидению — с каким волнением смотрели их и зрители постарше, которые еще в далекие годы сроднились с Максимом, и люди молодые, впервые ощутившие его героем душевно близким, своим.

Творческий путь к созданию трилогии был долгим и непростым.

Сейчас уже ясно, что без неистовых исканий в молодом киноискусстве (со всеми издержками такого поиска) не было бы многих находок, из которых вырос «Новый Вавилон» — картина, воздающая дань уважения и любви героям Парижской Коммуны... Картина, в которой частично предугадана, открыта стилистика сегодняшнего кинематографа. Не случайно эта немая лента (демонстрируемая под музыку Д. Шостаковича) вызывает в наши дни взрывы аплодисментов на «премьерах» во многих странах мира.

Уже не раз случалось в истории художественной мысли, что людей талантливых, самых разных, но увлеченных поисками нового, будто некая магнетическая сила притягивает друг к другу. Так и в Ленинграде двадцатых годов: режиссерский дуэт Григорий Козинцев и Леонид Трауберг, но вместе с ними, рядом — Сергей Юткевич и Алексей Каплер, Сергей Герасимов и целая плеяда блистательных актеров... А позднее придут на киностудию ученики Козинцева: Лев Кулиджанов и Станислав Ростоцкий, Эльдар Рязанов и еще очень многие

художники новых поколений.

Один из первопроходцев искусства молодого, революционного, Григорий Козинцев знал не только удачи. Были и просчеты, и нападки людей, его не понимавших. Были картины, которые не получились и о которых он вспоминал потом с печалью. Какое же требовалось мужество, какая энергия мысли, чтобы после неудач не пасть духом, открыть для себя и для других принципы «глубокого экрана» и, более того, выносить дерзкий замысел: использовать киноэкран, чтобы заново ввести в духовный обиход человечества величайшие творения мировой литературы. Те самые, которые на Западе нынче втоптаны в мутные потоки «комиксов» и пошлых адаптаций, «книжечек карманного формата».

Так появились на экране во всей их художественной красе и силе «Дон Кихот» по Сервантесу, «Гамлет» и «Король Лир» по трагедиям Шекспира.

Этим фильмам посвящены статьи, книги, диссертации. Хочется напомнить только о годах напряженной работы Козинцева перед каждой из постановок, о гигантском его труде над материалами минувших эпох, над литературными первоисточниками, над эскизами и театральными спектаклями... О труде, суть которого не музейная реставрация произведений классики, а новое их прочтение.

Испанские зрители говорили: «Наш Дон Кихот, наша Испания!..» Англичане аплодировали: «Наш Гамлет, наш Лир, наша Англия!..» Но при этом оставалось ясно, что глубинная сущность великих произведений по-новому озарена творческой мыслью советского художника.

Так, например, вопреки канону Козинцев отводит в «Гамлете» центральное место не монологу «Быть или не быть?», а сцене, где Гамлет объясняет Розенкранцу и Гильденстерну, почему нельзя помыкать человеком, играть на его душе, как на флейте.

И Дон Кихот из Ламанчи предстает на экране не как жалкий безумец, зря сражающийся с ветряными мельницами, а как доблестный рыцарь, одержимый идеалами добра и справедливости.

Ясно выраженная авторская позиция и безупречная верность духу литературного первоисточника... Как актуален этот постулат Козинцева в нынешних дискуссиях об экранизации литературы... Какие удары он наносит по бездумным иллюстраторам книжных страниц и по развязным любителям все переиначить, поставить классику с ног на голову: «как хочу, так и ворочу!..»

Вообще все лучшее, что создано Козинцевым и его собратьями по искусству, прямо входит в сегодняшний день. Положительный герой? Вот он, Максим. И сразу же вспоминаются козинцевские мысли о том, что искусство не движется повторениями: не брести по дорожкам проторенным, смелее искать новое...

И еще один из живых уроков Козинцева — его неравнодушие ко всему, что происходит в мире... Нетерпимость к любым проявлениям зла... Тихий, внешне спокойный, с какой гневной иронией говорил он обо всем, что ему претило: от непорядков на киностудии до нравственных аномалий, против которых ведет борьбу наше общество. Голос встревоженной совести звучал в его речах с трибун, в его выступлениях как общественного деятеля, борца за мир.

Непреодолимое значение имеют труды Г. Козинцева по теории искусства: «Глубокий экран», «Наш современник Вильям Шекспир» и другие. Настоящими книгами художественной интеллигенции, всех любителей кино стали тома его собрания сочинений. Мы с интересом вчитываемся не только в законченные работы Козинцева, но и в черновые наброски, где щедро разбросаны мысли, которые его волновали (нельзя не высказать признательность В. Г. Козинцевой за то, что она бережно сохранила и сумела сделать достоянием читателей эти драгоценные строки).

Не все успел совершить Григорий Михайлович, что было задумано. Остался неосуществленным интереснейший замысел «Гоголиады» (раздумья о которой начинались еще в пору создания немого фильма «Шинель»). Не успел, хотя никогда не давал себе отдыха. В одном из писем он цитирует шекспировские строки:

Ах, если б только время
я имел,—
Но смерть — тупой
конвойный и не любит,
Чтоб медлили,— я столько
бы сказал...

Больше десяти лет прошло со дня, как опустели его рабочая комната в Ленинграде, на улице братьев Васильевых, тихий домик в Комарове, где он работал до последнего дня.

Но и фильмами, и мыслями своими остается он и сегодня с нами, «как живой с живыми говоря». И по-прежнему звучит, работает творческое наследие художника, в котором страстно выражены идеи социалистической революции, наши гуманистические идеалы.

Людмила ПОГОЖЕВА.